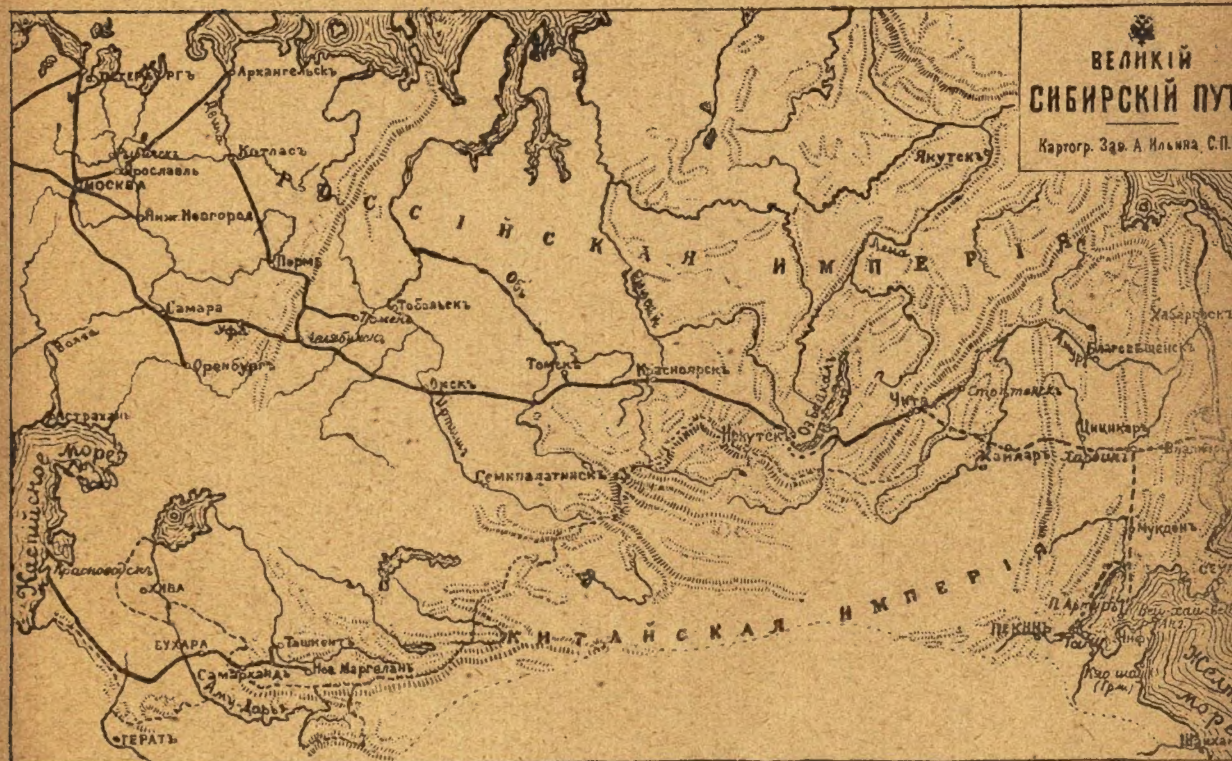
На Дальній Востокъ.

ПОХОДНЫЯ ПИСЬМА

генералъ-маіора М. И. ГРЕКОВА.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. КОМАРОВА. Невскій, 136.
1901

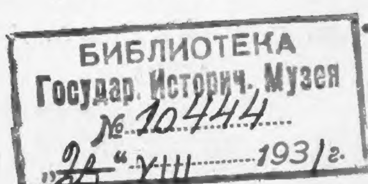
На Дальній Востокъ.

Походныя письма

Генералъ-маіора М. И. Грекова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ В. В. КОМАРОВА, НЕВСКІЙ ПРОСП., 136.
1901.

Дозволено цензурою, СПБ., 10 апрѣля 1901 г.



На Дальній Востокъ.

14 іюня 1900 года состоялся Высочайшій приказъ о назначеніи меня командиромъ 1 бригады сибирской казачьей дивизіи, которая уже заканчивала мобилизацію для движенія въ Китай.

Долго раздумывать не приходилось. Закупилъ я необходимое для похода, такъ какъ бывшіе тамъ запугивали, что во многомъ придется терпѣть недостатокъ. Помолившись Богу, собрался я въ далекій путь, интересовавшій меня какъ далекій и малоизвѣстный. Нѣкоторые знакомые и добрые пріятели пріѣхали на вокзалъ проводить меня. Добрыя пожеланія сыпались со всѣхъ сторонъ. Раздался второй звонокъ; расцѣловался со всѣми. Незамѣтно поѣздъ тронулся. Слышно только: «прощай, прощай, смотри же пиши». Проѣхали сплошную линію запасныхъ вагоновъ, миновали наши красныя казармы, а дальше все болѣе и болѣе скрывался отъ нашихъ глазъ Петербургъ. Былъ вечеръ, и я, воспользовавшись своимъ одиночествомъ въ купэ, расположился на ночной покой. Черезъ два дня я уже подъѣзжалъ къ станціи Миллеровой, гдѣ встрѣтилъ меня старшій братъ, съ которымъ мы не долго оставались, такъ какъ для меня каждая минута была дорога. Онъ поѣхалъ въ другое имѣніе, а я сѣлъ въ экипажъ, высланный за мною старшимъ моимъ сыномъ Иваномъ, распоряжающимся нашимъ деревенскимъ хозяйствомъ, и покатилъ въ родную деревню Сориновку. Четверка хорошо выѣзженныхъ лошадей въ рукахъ опытнаго кучера, Владиміра, домчала меня довольно скоро.

Сынъ былъ очень радъ моему пріѣзду, такъ какъ мы съ нимъ давно не видѣлись, но опечалился узнавъ, что я заѣхалъ только на три дня.

Конечно эти три дня прошли какъ нѣсколько часовъ, потому что всѣ бѣгали и суетились за укладкой нѣкоторыхъ вещей, но тѣмъ не менѣе я успѣлъ замѣтить, что у Вани хозяйство ведется толково и разумно.

Видѣлъ я его возрождающійся рысистый заводъ съ прекрасными экземплярами.

Лошадей мою и втораго моего сына Кости увелъ до нашего пріѣзда мальчикъ Сашка въ Омскъ.

Ваня поѣхалъ насъ провожать до станціи желѣзной дороги, куда мы выѣхали въ ночь. Луна освѣщала нашъ путь; ночь была тихая, но холодная, такъ что пришлось набросить бурки, хотя августъ былъ еще въ началѣ. Распростились мы на ст. Миллеровой и поѣхали въ свое дальнее путешествіе. Въ Воронежѣ воспользовались остановкой поѣзда и съѣздили въ монастырь.

Несмотря на посланную телеграмму оставить мнѣ мѣсто въ скоромъ сибирскомъ поѣздѣ отъ Ряжска, я, пріѣхавъ на эту станцію, былъ совсѣмъ обезкураженъ отвѣтомъ начальника станціи, что мѣстъ въ поѣздѣ нѣтъ. Я пріѣхалъ съ сыномъ вечеромъ, а на утро долженъ былъ проходить сказанный поѣздъ. Остались ночевать на вокзалѣ.

Ночь я провелъ безъ сна не отъ неудобства, а отъ сосѣда, какого-то восточнаго человѣка, который немилосердно храпѣлъ. Утромъ подали намъ передаточный вагонъ и мы поѣхали. На станціи уже стоялъ сибирскій поѣздъ. Вскорѣ ко мнѣ подошелъ приличный молодой человѣкъ и объявилъ, что мѣстъ въ поѣздѣ нѣтъ. Оказывается, что онъ завѣдующій поѣздомъ и сопровождаетъ этотъ поѣздъ.

При всей своей сдержанности я такъ разгорячился,

что меня принялись всячески успокаивать и помѣстили временно въ столовый вагонъ. Войдя въ него, я увидѣлъ много военныхъ разныхъ чиновъ и формъ. Между ними оказались знакомые, а черезъ три станціи я уже познакомился со всѣми пассажирами. А у сына даже оказались товарищи по корпусу.

Проѣхавъ нѣсколько станцій, завѣдующій поѣздомъ, сказанный молодой человѣкъ отыскалъ мнѣ мѣсто, и подъ конецъ пути мы окончательно съ нимъ помирились.

Буфетный вагонъ, это прекрасное приспособленіе. Кормятъ очень хорошо, прислуга служитъ внимательно, сервировка изящная и продукты свѣжіе. Постоянно днемъ всѣ столики заняты, всѣ между собою перезнакомились. Вонъ на столикѣ два генерала, одинъ судейскій, другой генеральнаго штаба, спокойно и серьезно разговариваютъ; около другого стола сидитъ семья, видимо, отецъ, одна взрослая барышня и другая по лѣтамъ дитя, но судя по фигурѣ и одутловатости лица кажется болѣзненною и ненормальною. Добрый папенька все время ихъ усердно закармливаетъ, указывая на жирненькіе кусочки; сибиряки, судя по типу, вѣроятно, возвращающіеся на родину. На слѣдующемъ столикѣ молодежь окружила сына, который имъ проповѣдуетъ свѣдѣнія о Сибири, почерпнутыя имъ изъ путеводителя по великому Сибирскому пути. Слышенъ голосъ одного изъ молодой компаніи: «Все это такъ, господа, но и далеко, и надоѣстъ же ѣхать»! На это пресерьезно отвѣчаетъ мой сынъ: «А Ермакъ Тимофѣевичъ этотъ путь пѣшкомъ прошелъ и ему не было скучно и не надоѣдало». Молодая компанія расхохоталась и кажется по этому случаю потребовали себѣ бутылку краснаго вина. Хороша и беззаботна молодость. Жаль, что молодость такъ же скоро проходитъ, какъ и все хорошее. Подошелъ и ко мнѣ крупнаго сло-

женія, съ большою бородою, въ черкескѣ, со знакомъ военнаго ордена офицеръ и сѣлъ визави, и спустя немного времени началъ разсказывать, и небезъинтересно, о своемъ участіи въ туркестанскомъ походѣ.

Пока по сторонамъ мѣстность—однообразная равнина и перелѣски, но богатый черноземъ; кое гдѣ вдали, межъ зеленью, видна бѣленькая церковь.

Въ Пензѣ на вокзалѣ мои ожиданія меня не обманули. Меня выѣхалъ повидать старый другъ и школьный товарищъ, и благословилъ меня образкомъ. Да, молодымъ товарищамъ надо поучиться у старыхъ. Помѣщикъ, занятый хозяйствомъ, все бросилъ, лишь бы повидаться съ товарищемъ.

Вотъ загудѣлъ и волжскій мостъ, о длинѣ котораго, чтобы имѣть понятіе, нужно только сказать, что поѣздъ по немъ идетъ 8 минутъ.

Какою ширью поражаетъ матушка Волга! Такъ и вспомнишь стихи, въ которыхъ воспѣлъ ее Навроцкій. Жаль, что въ это время былъ второй часъ ночи и далеко не было видно.

Вотъ и Самара. На вокзалѣ соблазнился я купить арбузъ, который оказался дозрѣлымъ и вкуснымъ, фун. 17 вѣсу. Да кажется и другіе пассажиры послѣдовали моему примѣру, потому что на нѣкоторыхъ столикахъ, я видѣлъ, ѣли арбузъ. Вообще-же меня удивляло, что на станціяхъ мало продавали фруктовъ.

А паровозъ нашъ тяжело пыхтѣлъ и все нѣтъ-нѣтъ и наддастъ ходу.

Вотъ вдали виденъ хорошенькій городокъ Бугурусланъ. Уфу проѣхали ночью. Засуетился вагонный проводникъ и приготовляетъ пассажирамъ на ночь ложе. Утро холодное и туманное; показались отроги Уральскаго хребта, а черезъ нѣсколько станцій нашъ поѣздъ врѣзался и въ самый хребетъ. Что за роскошные виды!

Пенза.
Московская улица.

Самара.
Берегъ Волги.

Отъ одной стороны вагона къ другой бросаемся, чтобы не упустить живописныя картины. Вотъ слѣва нависла скала сплошного разноцвѣтнаго камня, сквозь который растетъ лѣсъ, а справа бѣжитъ горная рѣчка, катя по камнямъ свою мутную, красноватую воду. А вотъ за рѣкой и та маленькая станція, которую мы только что проѣхали. Какіе приходится дѣлать зигзаги, чтобы избѣжать непосильнаго труда разбивать каменныя скалы.

Вотъ и станція Златоустъ. Всѣ пассажиры побѣжали покупать стальныя кустарныя издѣлія, которыя въ сущности никому не нужны были. Но какъ же проѣхать Златоустъ и не купить ножа.

А вотъ направо нѣсколько огромныхъ конусообразныхъ горъ, покрытыхъ сплошнымъ лѣсомъ. Наконецъ, откланялись мы Уральскому хребту и точно изъ воротъ вылетѣли на равнину, покрытую въ разбросъ мелкимъ, преимущественно березовымъ лѣсомъ, между которымъ попадаются озера и болота. Ухъ, равнина-то какая, насколько глазъ можетъ видѣть ровно, ровно! Вонъ киргизскій табунъ пасется, а невдалекѣ стоятъ три кибитки, изъ одной въ верхнее отверстіе струйкой подымается дымокъ. А вонъ два киргиза догоняютъ лошадь, чтобы вернуть ее въ табунъ.

Какія чудныя пастбища и травы. Такое разнообразіе степныхъ цвѣтовъ я только видѣлъ въ былыя времена у насъ на Монацкихъ степяхъ. Видна масса стоговъ накошеннаго сѣна.

Какой контрастъ, такія громадныя горы и сразу такая ширь и ровнота. Сколько въ нѣдрахъ тѣхъ горъ и сколько на этой плоскости находится богатства!!!

Да, богата и обильна ты, наша матушка Россія. Ѣдемъ уже 4-й день, мой визави открылъ карту путеводителя и покачалъ головою.—Что,—спрашиваю я.—Да что,—отвѣчаетъ.—Ѣдемъ 4 дня, и отъѣхали всего одну

четверть пути—и при этомъ свои пальцы растягиваетъ въ четверть по картѣ линіи желѣзной дороги. Меня и его же самого это очень разсмѣшило. Вотъ такъ именно великій путь, что приходится такимъ способомъ измѣрять его на картѣ.

А паровозъ на равнинѣ еще больше сталъ наддавать, такъ какъ мы немного приопоздали вслѣдствіе горѣнія осей.

Вонъ, на маленькой станціи сидятъ нѣсколько семействъ переселенцевъ съ дѣтишками. Наружность ихъ не дышетъ достаткомъ.

Набѣжала туча, пошелъ проливной дождь.

— Кто что читалъ новаго о Китаѣ?—слышенъ голосъ между пассажирами.—Да мало новаго,—отвѣчаетъ другой.—Говорятъ, наши Пекинъ взяли и китайская императрица бѣжала

На станціи обогнали воинскій поѣздъ, слышны разудалыя солдатскія пѣсни, а въ окнахъ вагоновъ висятъ разноцвѣтные платки, вѣроятно, ѣдущіе съ пункта проводовъ.

— Господа, скоро Омскъ, нужно смотрѣть бурный Иртышъ, который въ своей пучинѣ поглотилъ нашего историческаго героя и завоевателя Сибири, Ермака Тимофѣевича.

Мостъ черезъ Иртышъ колоссальный.

Слава Богу, почти половину пути сдѣлали. На вокзалѣ насъ встрѣтили старые сослуживцы, которые теперь здѣсь служатъ. Насъ эта ихъ любезность несказанно обрадовала, такъ какъ для насъ все незнакомо, городъ отъ вокзала отстоялъ на три версты, способы передвиженія совсѣмъ примитивнаго свойства: какія-то плетеныя изъ камыша коробочки, прикрѣпленныя къ длиннымъ дрогамъ. Въ городѣ остановились во вновь открытой гостинницѣ Зайцева. Заведеніе недурное, какъ

Омскъ.

Соборъ Сибирскаго казачьяго войска, въ которомъ стоитъ стягъ Ермака.

новое, но если будетъ продолжаться небрежность въ отношеніи публики со стороны хозяина, то оно скоро придетъ въ упадокъ. Улицы въ городѣ не мощеныя, зданія небольшія, исключая громаднаго зданія кадетскаго корпуса. Послѣ дороги мы заснули крѣпкимъ сномъ, на чистомъ постельномъ бѣльѣ и удобно стоящей кровати.

Наутро явились къ начальству, а потомъ успѣли посмотрѣть историческую рѣдкость, хранящуюся въ Казачьемъ соборѣ: знамя или хоругвь Ермака, съ которымъ онъ завоевывалъ Сибирь.

Трудно опредѣлить, что на немъ изображено. Но кажется съ одной стороны св. Георгій Побѣдоносецъ поражаетъ копьемъ татарскаго князя, съ другой—Дмитрій Солунскій. Какихъ только типовъ въ городѣ нѣтъ, и татары, и нѣмцы, и калмыки, и киргизы, и поляки.

Сегодня встрѣтился старый киргизъ въ лисьемъ треухѣ, въ традиціонномъ халатѣ, на маленькой худой кляченкѣ, за которой нѣсколько такихъ клячъ привязано сзади и у всѣхъ въ половинѣ хвостъ перевязнъ. Это значитъ онъ привелъ ихъ продавать.

Станція Тайшатъ.

Отъ Омска мнѣ съ тремя офицерами и однимъ интендантскимъ чиновникомъ устроили отдѣльный вагонъ и прицѣпили его къ поѣзду, везущему какія-то срочныя мобилизаціонныя вещи.

Не смотря на поздній часъ, мои старые сослуживцы пріѣхали насъ проводить, а одинъ даже съ женою. Навезли намъ нѣсколько корзинъ съѣстныхъ припасовъ, между которыми мы нашли превкусную иртышскую копченую рыбу Нельму, вродѣ сига, но несравненно лучше и крупнѣй. Въ 12 ч. ночи мы распростились съ

добрыми людьми, при чемъ паровозъ дернулъ насъ съ особою силою. Въ окно видна все та же равнина, покрытая мелкимъ березовымъ лѣсомъ. Темно и скучно. Мы разошлись каждый въ свое купэ. На утро, (я рано проснулся) все та же картина по сторонамъ, хотя впереди стала видна волнистая мѣстность, наконецъ, показалась бѣлая полоса рѣки Оби и тутъ же станція Обь. Большой ширины рѣка и огромный мостъ, но рѣка мелководна и пароходы ходятъ съ промѣрами. Около станціи создаются много хорошенькихъ зданій, даже походитъ на городокъ. Двѣ хорошенькія церкви. Здѣсь въ нашъ вагонъ сѣлъ полковникъ, состоящій на мѣстной службѣ въ Томскѣ. Проѣхалъ онъ съ нами до станціи Тайга. Это дремучій лѣсъ, по гористой мѣстности, изъ котораго вотъ двое сутокъ мы никакъ не можемъ выбраться, но какая безотрадная и мертвая картина: ни птицы, ни звѣря не видно, развѣ какая-нибудь маленькая птичка отдыхаетъ на телеграфной проволокѣ. Сыро, болото, дождь съ ночи не перестаетъ, бррръ... а въ вагонѣ пронизываетъ сырость.

Такъ вотъ она та тайга, о которой такъ много приходилось читать. По сторонамъ видны иногда села съ черными закопченными избами, но прехорошенькія церкви. Больше построенныя по одному типу.

Не смотря на надпись на вагонахъ нашего поѣзда «по мобилизаціи», нашъ поѣздъ безобразно задерживаютъ на станціяхъ иногда безъ всякой причины, по вдохновенію начальника станціи. Нашъ поѣздъ за 4 сутокъ опоздалъ на 12 часовъ. Каково вамъ покажется. А на одной станціи на вопросъ мой у начальника станціи: «Какая причина стоянки», онъ мнѣ отвѣтилъ, что идетъ встрѣчный почтовый поѣздъ, который нужно пропустить. Ну, что же дѣлать, законная причина. Что-жъ вы думаете? Черезъ 1/4 часа нашъ поѣздъ пустили и никакого по-

чтоваго поѣзда мы не встрѣчали. Какая причина была, что онъ сочинилъ, не берусь судить. Но въ такое горячее время слѣдовало бы болѣе заботливо и внимательно относиться къ слову „мобилизація". Вотъ и видно, что эти господа не дисциплинированные.

Всѣ станціи не вполнѣ достроены, готовы только главныя зданія, а то все еще строятся.

На нѣкоторыхъ станціяхъ есть хорошенькія церкви однотипной архитектуры. По сторонамъ видны села, но какія-то черныя, закопченыя. Хлѣбъ еще не весь дозрѣлъ, много его еще на корню. Крестьянки выносятъ къ поѣзду для продажи хлѣбъ и молоко. На одной станціи я обратилъ вниманіе на мальчика, который стоялъ съ матерью: у него лицо закрыто какой-то черной вуалью. Оказывается, что сѣтка отъ комаровъ и мошекъ, которыхъ здѣсь масса и лѣзутъ они въ глаза, носъ и ротъ. Буфеты не на всѣхъ станціяхъ, такъ что когда у насъ изсякли омскіе запасы, то мы начали на большихъ станціяхъ заказывать себѣ ѣду по телеграфу, впередъ, такъ какъ нашъ поѣздъ былъ временной.

Мѣстность все больше дѣлается волнистой. А тайга все отъ насъ не удаляется. Вотъ второй день дождь и сыро ужасно. Нѣтъ даже желанія и на станціяхъ выйти изъ вагона.

Вагонъ же, между тѣмъ, всѣмъ намъ опротивѣлъ. Проводникъ вагона безъ перерыва намъ ставитъ самовары и мы упиваемся чаемъ. Что у кого есть изъ домашнихъ запасовъ, дѣлится между всѣми. Дальній путь невольно сближаетъ. Взятыя книги отъ доски до доски прочитали. Молодежь спитъ хорошо, а я такъ не могу. А одинъ изъ молодыхъ такъ проспалъ 15 часовъ. Завидно. Вчера вечеромъ проѣхали городъ Красноярскъ, такъ что не видѣлъ. Но зато все время смотрѣлъ на широкій Енисей и громаднѣйшій желѣзнодорожный

мостъ, конструкція котораго считается лучшею; дѣйствительно, при своей капитальности, чрезвычайно тонкой работы, издали мостъ кажется сотканнымъ изъ паутинки.

На всѣхъ большихъ мостахъ у одного и другого конца стоятъ солдаты часовые. Вчера обогнали большой поѣздъ съ безсрочно-отпускными. Люди хотя еще въ своихъ разношерстныхъ костюмахъ, но имѣютъ внушительный видъ, всѣ обросшіе бородами, здоровый, сильный народъ. Съ такими смѣло можно идти на штурмъ.

16 августа.

Г. Иркутскъ.

Послѣднее письмо я вамъ писалъ со станціи Тайшатъ, гдѣ нашъ поѣздъ ночевалъ. Замѣтьте, этотъ поѣздъ шелъ съ мобилизаціонными вещами, наутро не могъ добиться пропуска, такъ что начальникъ станціи рѣшился самъ сопровождать нашъ поѣздъ и сѣлъ на паровозъ. А на слѣдующей станціи оказалось, что все начальство станціонное изволитъ почивать. Какъ вамъ нравится? Хорошо сочувствіе дѣлу и такому важному.

На станціи «Зима» мы обогнали цѣлый поѣздъ съ лошадьми, которыхъ везетъ барышникъ въ Читу.

Ближе къ Иркутску мѣстность оживилась. Погода ясная. По сторонамъ видны пашни и видно много хлѣба на нихъ. Начальники стали отзывчивѣй на наши просьбы.

Вдали показался Иркутскъ. На станціи Иннокентьевской я догналъ свои казачьи полки и штабъ нашей дивизіи. Недалеко отъ станціи виденъ Иннокентьевскій мужской монастырь. Желѣзная дорога не переходитъ Ангару, такъ что со станціи въ городъ мы поѣхали на извозчикахъ и выбрали себѣ гостинницу «Метрополь». Гостинница порядочная, кормятъ сносно.

На другой день мы поѣхали дѣлать нѣкоторыя запасы провизіи. Съ насъ дерутъ вдвое и отговариваются, что подвоза нѣтъ.

Войска всѣ пришли къ Байкалу для переправы. Безсрочно-отпускныхъ масса. Городъ большой, богатый. Мостовыхъ нѣтъ. А между тѣмъ булыжникъ тутъ же въ изобиліи округленный и не нужно его разбивать.

На улицахъ стоятъ цѣлыя озера жидкой грязи. На другой день мы на извозчикахъ ѣздили приложиться къ мощамъ угодника сибирскаго св. Иннокентія.

Черезъ Ангару переѣзжали на паромѣ «Самолетъ». Никто на немъ не работаетъ, а онъ самъ живо переходитъ на другую сторону, вслѣдствіе поразительно быстраго теченія Ангары. Вода въ рѣкѣ ужасно холодная и голубая. На вкусъ вода хорошая. Рѣка такая же бурливая, какъ и озеро Байкалъ, изъ котораго она вытекаетъ.

Монастырь древній, какъ мнѣ сказалъ старичекъ монахъ, они считаютъ ему 300 лѣтъ. Монастырь бѣдный. Отслужили мы молебенъ и приложились къ мощамъ угодника. Теперь намъ пришлось у парома подождать, такъ какъ онъ былъ на другой сторонѣ. Сбоку цыганской таборъ; сидитъ молодой цыганъ и играетъ на гармоніи, а передъ нимъ маленькій цыганенокъ пляшетъ и довольно искусно. Оказалось, что это сербскіе цыгане въ своихъ оргинальныхъ и довольно красивыхъ костюмахъ, убранныхъ какими-то оргинальными бляхами. Мужчины и женщины замѣчательно красивы. Они подошли къ нашимъ экипажамъ и предлагали гадать.

* * *

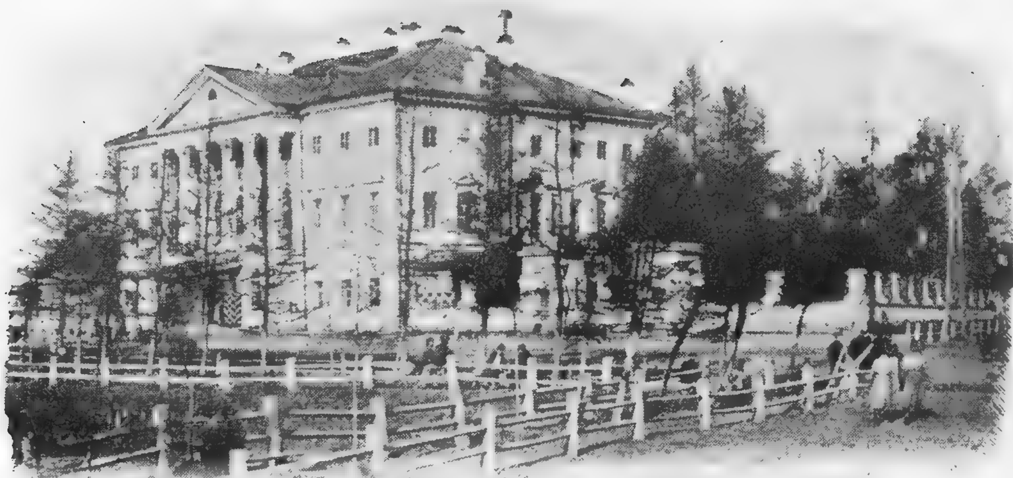
Это письмо я началъ писать въ Иркутскѣ, откуда мы вчера выѣхали съ поѣздомъ, перевозящимъ команду въ 800 чел. призывныхъ.

Дали намъ вагонъ-миксъ, совершенно новый. До Байкала 55 верстъ, и я не отходилъ отъ окна. Направо отвѣсныя скалы слоеваго песчанника настолько высоки, что для того, чтобы видѣть вершину, нужно пригнуться у окна. Онѣ совершенно нависли надъ нашимъ поѣздомъ. Зачастую даже обваливаются, и вотъ одинъ изъ этихъ обваловъ причинилъ крушеніе почтоваго поѣзда въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ. Локомотивъ совершенно искалѣченъ. Машинистъ и одинъ изъ пассажировъ III класса убиты, двое ранены, почтовый вагонъ разбитъ вдребезги.

Былъ густой туманъ, шелъ почтовый поѣздъ, закругленій масса, путь около скалъ, а слѣва рѣка Ангара. Дорожный мастеръ видѣлъ, что громадный кусокъ скалы сползъ на полотно. Показываетъ флагъ, даетъ сигналы; перваго за туманомъ не видно, а второго за шумомъ поѣзда не слышно, и вотъ локомотивъ налетѣлъ на обвалъ, а пошоны еще здѣсь не приняты.

Налѣво виды на Ангару не менѣе красивы; ближе къ Байкалу она имѣетъ много рукавовъ и много очень оргинальныхъ островковъ; иногда встрѣчаются маленькіе пароходики.

Вотъ и станція Байкалъ, а дальше синева Байкальскаго озера. Такъ много слышали про него, что всѣ бросились къ окнамъ. Вотъ на Ангарѣ и легендарный камень, который буряты считаютъ священнымъ и говорятъ, если онъ будетъ свергнутъ, то Байкалъ затопитъ Иркутскъ. Раньше буряты отвозили преступниковъ на этотъ камень и оставляли на немъ. Если виновный оставался живъ сутки, то его прощали и возвращали на берегъ, а если онъ тонулъ, то говорили, что такъ ему и надо, значитъ онъ дѣйствительно виноватъ. Ночью мы дождались гиганта ледокола «Байкалъ». Намъ сказали, что онъ подходитъ и всѣ пошли на



Иркутскъ.
Домъ Генералъ-Губернатора.

Круго-Байкальскій трактъ.

молъ. Мы увидѣли освѣщенную гору и вверху громадный электрическій фонарь, бросающій лучи на насъ, на станцію и на громадныя скалы, окружающія ее. Картина дивная, которую трудно описать: что-то волшебное, что-то театральное. Отъ красавицъ скалъ не оторвешь глазъ. Вотъ трехъ-этажный гигантъ плавно сталъ подходить къ пристани. Засуетились на берегу, чтобы соединить рельсы береговые съ пароходными. Оказывается, что въ немъ въ три ряда стоитъ 25 вагоновъ, которые онъ привезъ изъ-за Байкала. Уже по этому можете судить, что за громадина. Помимо его есть еще пароходъ «Ангара» и другіе, но тѣ далеко меньше.

Пока перевозили на берегъ вагоны, мы пошли осматривать пароходъ. Помимо своей колоссальности, онъ отдѣланъ съ полнымъ комфортомъ и роскошью.

Выгрузка пришедшего поѣзда и нагрузка нашего происходила не болѣе двухъ часовъ. Хотя капитанъ парохода и предложилъ намъ воспользоваться каютами, но такъ какъ для этого нужно было перетаскивать наши вещи, то мы остались въ своемъ вагонѣ.

Наутро рано я проснулся и пошелъ умываться въ пароходную уборную, удобную и щеголеватую.

Умывшись, я посмотрѣлъ въ окно и долго не отходилъ отъ него. Что за вода? Я такой воды никогда не видалъ: самаго чуднаго голубаго цвѣта, поверхность воды тихая, ровная. Мы сперва ѣдемъ не вдалекѣ отъ гористаго берега; громадныя горы одѣты бѣлой пеленой тумана и мѣстами вылѣзаютъ изъ тумана конусами. Картина изумительная.

Но вотъ мы поворотили направо для того, чтобы перерѣзать озеро. Подулъ свѣжій вѣтерокъ и на поверхности забѣгали въ разныхъ мѣстахъ бѣлые курганчики. Я вообще не привыкъ къ дальнимъ поѣздкамъ

на пароходахъ, а здѣсь еще предупрежденъ, что Байкальское озеро очень сердитое и, не смотря на громадность размѣровъ ледокола, во время большой бури его не рѣшаются пускать.

Говорятъ, глубина Байкальскаго озера 800 саженъ.

Волненіе увеличивается. Лошади наши въ своемъ вагонѣ ѣдутъ съ нами. Смотрѣлъ я на нихъ и замѣтилъ, что онѣ, бѣдняжки, пріуныли. Да вѣдь шутка сказать, мѣсяцъ стоять на ногахъ въ вагонѣ.

У береговъ Байкала большая часть людей съ закрытымъ лицомъ черною сѣткою, точно общій маскарадъ.

Опасаются мелкой мошки, которая мѣшаетъ работать; лѣзетъ въ носъ, глаза, уши, ротъ.

Наконецъ, 26 августа, мы по ту сторону Байкала на станціи Мысовой. Далѣе нашъ вагонъ прицѣпили къ почтовому поѣзду. Одинъ изъ моихъ спутниковъ настаивалъ и далѣе продолжать путь съ поѣздомъ призывныхъ. Я почему-то былъ противъ этого. Предчувствіе оправдалось. Воинскій поѣздъ на третьей станціи потерпѣлъ крушеніе, такъ что потребовалась медицинская помощь. Какъ послѣ этого не вѣрить въ предчувствіе и въ судьбу?

Почти весь день мы ѣдемъ по долинѣ рѣки Хилонъ. Отроги Яблоноваго хребта тянулись съ обѣихъ сторонъ этой долины. Все время паровозъ подаетъ свистки, такъ-какъ дорога дѣлаетъ крутые повороты около громадныхъ скалъ; уклоны и подъемы ужасные.

Во многихъ мѣстахъ ѣдемъ съ двумя паровозами. Въ одномъ мѣстѣ пролетѣли тунель. Виды такіе, что не отрывались отъ окна; только темнота заставляетъ лечь спать. Горы все выше и выше.

Кондукторъ объявилъ, что скоро г. Чита. Черезъ нѣкоторое время показались желѣзнодорожныя пост-

Баранчикъ.

Молъ—гавань для Байкальскаго ледокола.

ройки и, наконецъ, Чита, лежащая въ полутора верстахъ отъ станціи.

Ну. слава Богу, наконецъ мы доѣхали, послѣ двадцатидневнаго путешествія. Ухъ, какъ надоѣло въ вагонѣ. А все-таки славу Богу, что есть желѣзная дорога. Сколько бы пришлось идти походомъ.

На станціи мы простились съ начальникомъ дивизіи, который со штабомъ поѣхалъ въ Срѣтенскъ для слѣдованія оттуда въ Хайларъ на почтовыхъ, такъ какъ вся дивизія идетъ врознь.

Я въ первый разъ увидалъ своего начальника. Онъ на меня произвелъ самое пріятное впечатлѣніе: очень представительный, симпатичный и доброжелательный человѣкъ. Съ такимъ начальникомъ вдвое пріятнѣе служить; начальника штаба немного я еще зналъ въ Петербургѣ. Молодой, красивый и лихой полковникъ.

Когда мы выѣзжали изъ Читы, то проѣзжая мимо двухъ домовъ, я увидѣлъ группу женщинъ японскаго типа. Одинъ изъ пассажировъ намъ объяснилъ, что это гейши. Нѣкоторыя изъ нихъ были въ европейскихъ костюмахъ, а другія въ своихъ, японскихъ, но прически на нихъ были особенно характерныя и, нужно правду сказать, оргинальныя и довольно кокетливыя.

За Читой скоро кончилась долина рѣки Хилоки и началась долина рѣки Ингоды, не менѣе первой живописная, но болѣе сдавленная Яблоновыми отрогами.

Наконецъ, на станціи «Китайскій разъѣздъ», откуда начинается вѣтвь маньчжурской дороги, мы выгрузились. Нашихъ лошадей вывели и начали водить. Онѣ, бѣдныя, такъ обрадовались, что прыгали и играли.

Пришелъ командиръ полка и пригласилъ на бивуакъ пить чай.

У самаго берега Ингоды былъ расположенъ весь полкъ бивуакомъ на сухомъ, высокомъ, слегка покатомъ мѣстѣ.

Вечеръ былъ тихій, теплый, полная луна освѣщала бивуакъ, отражаясь въ быстрой Ингодѣ.

Въ офицерской палаткѣ я засталъ всѣхъ офицеровъ, которые на меня произвели прекрасное впечатлѣніе.

Сотенные командиры всѣ люди опытные и имѣютъ бравый видъ. Полковой командиръ, видимо, старался соединить военную семью воедино. Казаки въ палаткахъ, кто чинитъ шаровары, кто чиститъ сѣдло, другіе тихо разговариваютъ. Часовой мѣрно ходитъ у знамени. Лошади на коновязяхъ; однѣ опустили головы, дремлютъ, другія лежатъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ костры издаютъ послѣднія вспышки. Протрубили вечернюю зорю и весь бивуакъ затихъ, только бивуачные часовые монотонно ходятъ на своихъ постахъ.

Завтра мы выступаемъ въ Хайларъ.

21 августа. 1900.

Станція «Китайскій разъѣздъ».

Эта станція — поворотъ на маньчжурскую дорогу, такъ что отсюда мы уже вышли походомъ. Вчерашній ливень испортилъ всю прелесть бивуачной жизни, которую я очень люблю. Вчера пришлось пополамъ съ дождемъ поужинать. Купилъ я себѣ русскую телѣгу и пару лошадей, содрали съ меня за это ужасно. Ну, конечно, пользуются случаемъ.

Послѣ вчерашней безсонной ночи я уже не легъ въ станціонномъ помѣщеніи, въ гнѣздѣ клоповъ и таракановъ, а легъ въ своей палаткѣ, которая дождя не пропускала, такъ что я уснулъ хорошо, хотя ночью почувствовалъ холодъ. Утро было хорошее, ясное. Слышна каманда. Снимаются съ бивуака, обозъ уже запряженъ. Намъ пришлось много хлопотать съ укладкой своей телѣги, такъ какъ ничего не приспособлено. Въ 10 ча-

Баранчикъ—выходъ р. Анчары изъ Байкала.

Байкалъ.

Переходная пристань въ Листвиничнымъ.

Буда ошнидъ.

Засѣдатель Заб. волости Чилинскаго Округа Агинской Думы Почетнаго Шуленга.

совъ привели мнѣ осѣдланнаго моего Саразена. Онъ долго не былъ ѣзженъ и первую станцію ужасно горячился и волновался.

Командиръ полка прислалъ мнѣ сказать, что полкъ готовъ. Подъѣзжая я поздоровался съ людьми, объѣхалъ весь фронтъ и нашелъ, что сибирскіе казачки вышли на боевую службу въ очень удовлетворительномъ видѣ и народъ очень хорошій; лошадки хотя маленькія, но сильныя, мускулистыя.

По командѣ командира полка «на молитву» всѣ сняли папахи и пропѣли: «Отче нашъ» и «Спаси, Господи, люди Твоя». Затѣмъ командиръ скомандовалъ «накройся». Да, всѣ усердно молились, идя въ серьезный походъ. Раздалась команда «справа по три», и шестнадцати рядный шестисотенный полкъ вытянулся длинной тесьмой.

Сейчасъ нужно было переходить въ бродъ довольно широкую, глубокую, быструю, съ каменнымъ дномъ рѣку Ингоду. На другомъ берегу я взглянулъ назадъ и полюбовался красивой картиной переправы. Авангардъ и дозоры были высланы. По приходѣ на ночлегъ сейчасъ же былъ разбитъ бивуакъ на покатомъ берегу рѣки. Съ строющейся недалеко отъ нашей стоянки желѣзной дороги къ намъ пріѣхалъ инженеръ, завѣдующій постройкой 13 участка, Альфонсъ Владиміровичъ Ланге, премилый и любезный человѣкъ, который старается чѣмъ-нибудь быть полезнымъ проходящимъ войскамъ. Онъ мнѣ предложилъ поѣхать посмотрѣть самыя колоссальныя работы, гдѣ работаютъ при помощи динамитныхъ взрывовъ.

Ѣхали сначала по тайгѣ и, наконецъ, я увидѣлъ громадную насыпь, состоящую изъ однороднаго крѣпчайшаго синяго камня, а далѣе мы пошли по каменному корридору, по которому пролегали временные рельсы, по нимъ вагонетки вывозятъ разорванный ди-

намитомъ камень изъ искусственнаго ущелья. Когда я вошелъ въ этотъ ужасный каменный корридоръ, мнѣ сдѣлалось жутко. Я ничего подобнаго не могъ себѣ представить. 13 саженныя стѣны сплошныя каменныя, длина выемки 233 саж. Это мѣсто называется «ямная выемка», и вотъ въ этой-то выемкѣ копаются рабочіе, какъ мухи, и какихъ только нѣтъ тамъ націй: русскіе, евреи, буряты, китайцы и даже итальянцы. Тамъ же работаютъ наши саперы и при нихъ пресимпатичный поручикъ Смирновъ.

При мнѣ дѣлали динамитный взрывъ. Сначала послышался глухой подземный ударъ, а затѣмъ полетѣли вверхъ камни. Мы всѣ прижались къ голой каменной стѣнѣ съ нависшими надъ нашими головами громадными глыбами. Затѣмъ мы зашли посмотрѣть на пролетъ подъ громадной насыпью.

Пролетъ 40 саженей и 3 сажени высоты. По этой длинѣ можно судить о ширинѣ основанія этой насыпи.

Однимъ словомъ, чтобы имѣть понятіе объ этихъ работахъ, нужно знать, что эти 1½ версты стоятъ милліонъ.

Это письмо пишу въ палаткѣ послѣ дождя, который сейчасъ опять насъ поливалъ; сыро и довольно холодно. Лягу подъ шубу, авось согрѣюсь. На бивуакѣ огни и перебранка казаковъ съ неспокойными лошадьми.

28 августа.

Станція «Китайскій Миръ» на вновь строющейся дорогѣ.

Сегодня поднялись съ бивуака очень рано, спать въ палаткѣ было довольно свѣжо. Дорога ужасная, переваливали главный хребетъ Яблоновыхъ горъ. Было просто жалко смотрѣть на обозныхъ лошадей. Подъемы ужасные, грязь невылазная, дождь льетъ. Ужъ не хо-

тѣлось и смотрѣть на красивыя колоссальныя скалы, которыя попадались по дорогѣ, съ нависшими глыбами камней.

Встрѣчались по дорогѣ группами избушки, въ которыхъ живутъ артели рабочихъ строящейся дороги. Въ сторонѣ слышенъ гулъ взрывовъ динамита, которымъ рвутъ каменныя скалы.

Измокли мы ужасно, обозъ отсталъ и наши палатки не разбиты. Да, въ походѣ всего испытаешь. У кого-то нашлось полъ коробочки икры и кусочекъ колбасы. Всѣ набросились, и съ чернымъ, плохо выпеченнымъ хлѣбомъ все моментально уничтожили.

Мѣсто для бивуака выбрано хорошее.

Машинально я пошелъ по полю и удивился обилію цвѣтовъ, даже незабудки. Это 28 августа. Я на память набралъ букетикъ.

Подошелъ полковой командиръ, полковникъ Чириловъ, и заговорилъ о трудности похода. Въ это время подошелъ къ намъ почтенный старикъ, бурятъ, засѣдатель, какъ онъ себя назвалъ. На груди его красовалась медаль за всероссійскую перепись. Сообщилъ командиру, что онъ будетъ сопровождать полкъ по своему участку. Нужно было видѣть его удовольствіе, когда я съ нимъ сказалъ нѣсколько словъ по калмыцки. Ихъ языкъ очень схожъ. Сказалъ намъ, что до Хайлара намъ будетъ трудно что-нибудь достать. Но утѣшилъ, что дальнѣйшая наша дорога будетъ лучше и подъемовъ почти нѣтъ. Ну, слава Богу. А запасы у насъ еще имѣются въ достаточномъ количествѣ.

Теперь 11 часовъ вечера, тороплюсь дописать. Сбоку палатки трещатъ головни костра. Казаки грѣются. Лошадки подзакусили и теперь лежатъ бѣдныя—отдыхаютъ. Да и есть отчего. Хорошо еще, что инженеры сдѣлали времянку (дорогу) спеціально для проходящихъ войскъ.

Я приказалъ застегнуть свою палатку, надѣлъ шубу, и теперь, сотворивши молитву, ложусь на соломѣ.

Усталъ. Потомъ буду продолжать это письмо.

Анонъ вѣроятно будетъ большая желѣзнодорожная станція, такъ какъ много построекъ уже возведено, а также депо. Мостъ черезъ рѣку Анону строится. Быки уже готовы.

Рѣка быстрая, а вода въ ней холодная. Переправа будетъ на паромахъ, а лошадей вплавь; такъ какъ это выходитъ очень красиво, то кажется собираются сдѣлать фотографическіе снимки. Насъ сегодня въ походѣ нѣсколько разъ мочилъ дождь. Да, это трудный походъ. Я такихъ не испытывалъ. Гористая мѣстность, совсѣмъ ненаселенная, мало воды и трудно достать самое необходимое.

Буряты никакимъ хлѣбопашествомъ не занимаются. Сегодня походомъ кому-то изъ офецеровъ удалось убить большую рѣдкость, «полевого рябчика», меня угостили. Превкусное блюдо.

31 августа.

По случаю трудной паромной переправы черезъ рѣку Анонъ, мы перестояли день. Оказалось, что здѣсь хорошая лавка, торгующая всѣмъ, чѣмъ угодно. Тамъ и чай, и сахаръ, кофей, духи Брокара, клюквенный экстрактъ Келлера, резиновые плащи, ну, однимъ словомъ, все, что угодно, купца Батмаева. А такъ какъ у насъ запасы истощились, то многіе и пошли за покупками. Ну и цѣны же: свѣчи 30 к., сахаръ 35 к., спички 20 к. коробка. Хотя у нихъ оправданіе, что доставка дорогая. Буряты насъ продолжаютъ интересовать. Сегодня я одному далъ за доставку дровъ 25 к., онъ обрадовался какъ ребенокъ. Бурята всѣ снимаютъ свои малахайчики (вродѣ китайской шапочки) и кланяются въ поясъ, при этомъ стараются на васъ смотрѣть. Просто-

душные они и хорошіе люди. Они, кажется, поражаются, что такъ много идетъ войска.

Опять дождь барабанитъ по палаткѣ. Нынѣшней ночью, вѣроятно, придется опять подрогнуть, хотя и подъ шубою. За то ужъ утромъ не проспишь часа выступленія. Я думаю не скоро вы получите это письмо, такъ какъ его раньше какъ изъ Хайлара послать нельзя, Да отъ этого пункта оно будетъ идти не меньше трехъ недѣль. А раньше нѣтъ почтоваго отдѣленія. Даже совсѣмъ не населенная мѣстность. Одни тунгузы, да и тѣ гдѣ-то далеко кочуютъ отъ дороги.

Нашъ подводчикъ тунгузъ сидитъ надъ костромъ вмѣстѣ съ казаками, варитъ какую-то похлебку, вытащилъ изъ нея кость и огрызаетъ ее съ большимъ аппетитомъ.

Казаки все хотятъ съ нимъ вступить въ разговоръ. но онъ упорно молчитъ, потому что ничего не понимаетъ. Костеръ то вспыхнетъ и освѣтитъ загорѣлыя бородатыя лица казаковъ, бурятъ и нашего мальчика, Сашку, то опять померкнетъ и тогда можно разсмотрѣть силуэты коней у коновязи,

Слышенъ голосъ урядника Малькова: «Это чей конь бродитъ? Привяжите его».

Вмѣсто отвѣта какой-то казакъ поймалъ коня и съ сердцемъ бурчитъ на него: «Чортова голова, не нажрешься еще, тебѣ мало».

Проиграли зорю и пропѣли молитву. Бивуакъ постепенно затихаетъ.

Въ офицерскихъ палаткахъ еще идутъ бесѣды.

1 сентября.

Бивуакъ у желѣзнодорожной станціи «Турга».

Сегодня съ утра былъ густой туманъ, а потому весь день былъ хорошій, но очень жаркій, такъ что я усталъ

настолько, что не дождавшись палатки, легъ на траву и крѣпко уснулъ. Не слыхалъ сигнала на обѣдъ, даже не слыхалъ, какъ меня будили. Пообѣдали съ аппетитомъ. Сдѣлали 45 верстъ. Лошади немного притомились и мой конь спотыкался. А это не особенно пріятно въ большомъ походѣ. Подводчику буряту я кромѣ денегъ еще подарилъ свою бѣлую фуражку, которая за походъ обратилась въ сѣрую, потому что она нѣсколько дней мокла подъ дождемъ и посыпалась пылью.

Нужно было видѣть его восторгъ. Онъ кажется былъ больше радъ грязной фуражкѣ, чѣмъ деньгамъ. Сейчасъ же его окружила толпа бурятъ. Они совершенные дѣти природы. Вотъ уже нѣсколько переходовъ дѣлаемъ между горъ, котловинъ, каменныхъ скалъ.

Какъ ступишь впередъ и думаешь, ну, вотъ подымешься на хребетъ и затѣмъ пойдетъ равнина. Не тутъто было. А дальше, новые и новые подъемы и каменныя глыбы. Сегодня вблизи дороги пронесся волкъ, спугнутый нашимъ присутствіемъ, черный и длинный.

Ночь обѣщаетъ быть хорошей. Днемъ я переодѣвался въ китель, а теперь пишу это письмо въ шубѣ. А ночью одѣяло и шуба и все таки, какъ нечаянно ночью раскроешься, такъ и задрожишь.

29 августа.

Ночлегъ у станціи «Анонъ».

Такъ какъ нѣтъ по дорогѣ почтовыхъ станцій, то я вамъ это письмо вышлю изъ Хайлара, куда мы и направляемся. Тяжелый сегодня былъ переходъ, но я меньше усталъ. Вѣроятно потому, что началъ втягиваться. Горы и горы, но лѣса нѣтъ. Несмотря на живописность группы каменныхъ горъ, скучно было ѣхать. Встрѣчи никакой. Иногда проскачетъ бурятъ къ своему

Офицеры 7-го Сибирскаго Казачьяго полка во время похода, на привалѣ.

стаду, и если встрѣтится, то почтительно сниметъ свою круглую войлочную шапочку. По дорогѣ тянутся интендантскіе обозы съ разными продуктами.

На привалѣ насъ перегнали 3 сотни охранной стражи, которая слѣдуетъ на строющуюся желѣзную дорогу. Между ними есть много донскихъ казаковъ, бывшихъ въ 15 полку.

Сегодня полковой праздникъ атаманскаго полка. Третьяго еще дня послалъ старымъ товарищамъ поздравительную телеграмму.

30 августа.

Сегодня былъ большой переходъ—45 верстъ. На пятнадцатой верстѣ былъ привалъ, несли что у кого было.

Одинъ притащилъ сардинокъ, другой колбасу, а командиръ приказалъ согрѣть самоваръ. Все это происходило на разбросанныхъ буркахъ. 1 1/2 часа отдохнули и пошли дальше. Дорога какъ скатерть, по сторонамъ видны бурятскіе зимовники, кое гдѣ видны стада рогатаго скота и табуны лошадей. Въ сторонѣ я въ бинокль разсмотрѣлъ табунъ, весь бѣлый, а на солнцѣ онъ казался положительно серебрянымъ. Меня это такъ заняло, что я подъѣхалъ ближе. Кобылы очень хорошія и не особенно маленькія, вершокъ и полтора, но широкія, утробистыя. Мнѣ кажется, если къ нимъ дать рослыхъ жеребцовъ, то были бы лошади, вполнѣ годныя для ремонта въ кавалерію.

Далѣе мы увидѣли большое стадо верблюдовъ и даже были бѣлые. Всѣ они на насъ смотрѣли апатично, не выражая удивленія многочисленнымъ гостямъ. Въ концѣ перехода къ намъ подъѣхалъ бурятъ и проводилъ до конца перехода. Встрѣтилась съ нами дѣвушка бурятка верхомъ, недурна собою. Она сидѣла такъ хорошо, глубоко, крѣпко и правильно въ сѣдлѣ, что можно любому кавалеристу ей позавидовать. Наконецъ, мы переѣхали

въ бродъ рѣку Агу и стали бивуакомъ у станціи желѣзной дороги, строящейся и имѣющей то же названіе «Аги». Мѣсто подъ бивуакомъ было выбрано неудобное, сырое. Странный здѣсь климатъ: весь день былъ жаркій, и какъ только солнце зашло, то сдѣлалось такъ холодно, что поневолѣ надѣли теплую одежду.

Здѣсь насъ догнали 4 сотни желѣзнодорожной охраны. Мѣстность гористая, горы голыя, каменистыя и безлѣсныя.

Буряты народъ простой и гостепріимный и къ намъ привѣтливѣе отнеслись, чѣмъ нѣкоторые изъ желѣзнодорожныхъ станцій здѣшнихъ дорогъ. Одинъ изъ бурятъ даже извинялся, что не успѣлъ надѣть новый халатъ. Наѣздники они такіе же хорошіе, какъ и наши задонскіе калмыки. Завтра рано вставать и опять походъ, ложусь спать. Гдѣ-то вдали слышна русская гармоника.

Третій день за границей.

Наконецъ добрались до почтоваго отдѣленія. На границѣ стояли въ станицѣ Цуруайтуй. Это нѣсколько дворовъ оборванныхъ, да и тѣ заняты разными чинами и складами. Мнѣ отвели избушку полураскрытую, съ тифозной больной хозяйкой, такъ что насъ принималъ какой-то калѣчный забайкальскій казакъ, въ длиннополой теплушкѣ. Не смотря на свои многочисленные конскіе табуны, забайкальцы живутъ нищенски. Еле достанешь курицу или десятокъ яицъ. Настолько кишѣло въ этой избушкѣ клопами и тараканами, что мы, не смотря на то, что уже три недѣли ночуемъ въ палаткѣ, и на сей разъ предпочли палатку. Ночью поднялся сильный холодный вѣтеръ, перешедшій къ утру въ бурю со снѣгомъ. Намъ предстояло идти 30 верстъ

противъ этого вѣтра, дувшаго съ Хинъ-Гана. Вы не можете представить, что это былъ за трудный переходъ, да еще черезъ границу. Никто не ожидалъ и многіе одѣлись по осеннему, въ томъ числѣ и я. Лошади не хотятъ идти, становятся бокомъ къ вѣтру, дождь льетъ за воротникъ, вѣтеръ раскрываетъ полы плащей, снѣгъ бьетъ въ лицо, рука съ поводомъ коченѣетъ. Однимъ словомъ, такъ мерзко, что спѣшили до ночлега къ ночи. Представьте же себѣ разочарованіе. Никакого селенія, нѣсколько закопченыхъ грязныхъ монгольскихъ юртъ, приготовленныхъ спеціально для ночлега проходящихъ войскъ. Это же и вновь устроенная почтовая станція. Мы влѣзли въ первую попавшуюся юрту, и вы не повѣрите, какъ были довольны, что укрылись отъ дождя и вѣтра. Поставили свои походныя кровати, наскоро согрѣли самоваръ, отреножили за юртами своихъ переутомившихся лошадей, прикрывъ попонами и брошенными драными монгольскими шубами. Кавалеристу первая забота о лошади. Напились по стакану чаю и скорчившись подъ шубами согрѣлись и, кажется, уснули. Ахъ, какой это былъ переходъ! Теперь, при воспоминаніи, дѣлается дрожь.

Слава Богу, къ утру вѣтеръ затихъ и взошло солнышко. Переходъ предстоялъ до станціи Колодцы. Господи, какая безотрадная мѣстность! Вокругъ, сколько ни смотри, ни одного живого существа. Слѣва вдали показались горы, покрытыя снѣгомъ. Оказывается, что ночью снѣгъ шелъ густой.

Станція Колодцы еще меньше. Такъ что мы немного отдохнули, попоили лошадей и пошли на слѣдующую станцію Мергень, куда и прибыли вечеромъ. Начало темнѣть. Сдѣлавши въ этотъ день 65 верстъ, лошадки наши шли весело. Но зато я съ утра отъ чаю ничего не ѣлъ весь день. Да и лучше, легче было ѣхать.

Здѣсь догнали 8-й казачій сибирскій полкъ. Офицеровъ нѣсколько меня встрѣтили и уступили мнѣ одну юрту и накормили. Большое имъ спасибо за гостепріимство. Тотъ, кто въ походахъ бывалъ, тотъ пойметъ, какъ цѣнишь въ это время всякій мало-мальски ласковый пріемъ. Ночь холодная; встали рано; въ дырявую юрту подувалъ вѣтерокъ. Оставалось отсюда до Хайлара 30 верстъ. Это ужъ пустяки послѣ вчерашняго перехода. Хайларъ показался рано, за нѣсколько верстъ или лучше сказать горы, окружающія Хайларъ. Переѣхали рѣки Лугунь иИменъ, по хорошо устроенному мосту. Вотъ и ожидаемый Хайларъ.

Уже за нѣсколько верстъ до города замѣтили признаки бывшаго разгрома. Разбросаны маньчжурскія рваныя шубы, обломки ихъ двуколокъ, старыя драныя кошмы. Нескончаемыя тянутся подводы съ разнымъ интендантскимъ имуществомъ. Наконецъ, желѣзнодорожныя постройки, уже вновь возведенныя, такъ какъ прежнія сожжены китайцами. Здѣсь уже мы увидѣли много разныхъ чиновниковъ, завѣдующихъ разными складами. Желѣзнодорожные инженеры Н. Н. Бочаровъ и А. Н. Кулаковъ меня очень любезно приняли и даже послѣдній уступилъ одну комнатку въ своемъ домѣ, только что оконченномъ, и я въ настоящую минуту пишу это письмо, сидя въ комнатѣ, и даже чувствую подъ своими ногами коверъ. До того отвыкъ отъ этой обстановки, что даже кажется страннымъ. Большое имъ спасибо.

Теперь наша первая забота разыскать хорошихъ кузнецовъ для ковки нашихъ бѣдныхъ лошадей. Здѣсь же я и воспользуюсь почтовымъ отдѣленіемъ, чтобы отправить вамъ и другимъ письма. Инженеры даже обѣщаются истопить для насъ баню. Да и пора, а то 20 дней не раздѣваться и спать на воздухѣ—кажется это начинаетъ себя понемножку давать чувствовать.

Городъ Хайларъ въ верстѣ отъ станціи. Завтра поѣду его посмотрѣть; говорятъ, есть кое-что интересное. Здѣсь я видѣлъ китайскіе экипажи, преоригинальные и пренеудобные. Здѣсь на станціи работаютъ 200 человѣкъ плѣнныхъ китайцевъ. Если у нихъ и всѣ такіе солдаты, то весьма жалкіе.

На окружающихъ песчаныхъ холмахъ виденъ кое-гдѣ хвойный лѣсъ, но весьма мало.

Ѣздилъ осматривать городъ Хайларъ. Представьте себѣ одну улицу, застроенную направо и налѣво вплотную китайскими лавками, сзади которыхъ имѣются дворы. Видимо, торговля была большая, какъ говорятъ, оптовая. Ну, словомъ сказать, наши ярмарки. Всѣ зданія и всѣ лавки сдѣланы изъ нежженаго саманнаго кирпича. Изъ такого же матеріала сдѣлана стѣна, которою обнесенъ весь городъ. Въ настоящее время весь городъ разгромленъ, въ лавкахъ, какой товаръ уцѣлѣлъ, забранъ подъ охрану въ желѣзнодорожныя помѣщенія.

На улицѣ валяется масса разнаго тряпья, одежды и своеобразной китайской мебели. Каждое зданіе отапливается печами или лучше сказать ямами подъ поломъ, труба же идетъ подъ всѣми норами, потомъ уже выходитъ наружу.

Заѣхалъ въ кумирню. Хотя вся внутренность разорена, но на стѣнахъ уцѣлѣли разные боги, скачущіе на лошадяхъ, сражающіеся и т. п. Работа дивная; гдѣ уцѣлѣла позолота, то она поразительно хороша и такъ свѣжа, какъ будто сдѣлана только сегодня. Недалеко видна деревня, гдѣ жилъ ихъ богатѣйшій Тунхай-Ингода; какъ говорятъ, будто онъ самый богатый китаецъ. Онъ здѣсь былъ въ городѣ вродѣ полиціймейстера. Теперь онъ, говорятъ, бѣжалъ за 200 верстъ отсюда и всѣ свои богатства увезъ съ собою и собралъ для охраны до тысячи вооруженныхъ солдатъ. У города на-

ходится возвышенность, покрытая группами хвойныхъ деревьевъ. У нихъ она называлась священной рощей. Почему—неизвѣстно. Вообще окрестности Хайлара довольно живописны.

Жителей, китайцевъ, никого не осталось.

Сегодня доставили подъ конвоемъ изъ Цыцы-кара китайскаго плѣннаго чиновника. Сравнительно довольно красивое лицо. Съ нимъ переводчикъ и слуга, молодой китаецъ, который хорошо говоритъ по-русски и пресимпатичной наружности. Всѣ въ своихъ юбкахъ, кофтахъ и съ косами. Его, кажется, препровождаютъ въ Читу. У здѣшнихъ инженеровъ, которые мнѣ дали прiютъ и поражаютъ своимъ гостепрiимствомъ, прислуживаютъ два молодыхъ японца. Я пораженъ, какъ они хорошо и ловко служатъ; съ любымъ петербургскимъ лакеемъ могутъ состязаться въ этомъ дѣлѣ. Понимаютъ и говорятъ по-русски и свои коски пообрѣзали.

Сегодня вымолилъ и выпросилъ у одного купца тарантасъ. А цѣна-то, цѣна—275 руб. Его въ Казани можно купить за 150 руб., оправданiе — «что доставка стоитъ дорого». Я ужъ радъ, что хотя гдѣ-нибудь можно помѣстить отъ дождя вещи.

Прiѣхалъ командиръ 3 сибирскаго корпуса, генералъ Мыловъ. Мы всѣ ему представились. Онъ ѣдетъ тоже въ Цыцы-каръ, гдѣ, кажется, и оснуетъ свою квартиру корпуснаго штаба; кажется и мы тамъ будемъ.

Любезности здѣшнимъ желѣзнодорожнымъ инженерамъ нѣсть конца. Сегодня даже истопили для насъ хорошую баню, въ которой, правду сказать, мы сильно нуждались. Послѣ ночевокъ въ грязныхъ монгольскихъ юртахъ, да еще при лишенiи бани въ теченiи $1^{1}/_{2}$ мѣсяцевъ, иногда сильно почесывалась спина. Видѣлъ я подъ всадниками мексиканское сѣдло, преоригинальное

и съ деревянными стременами. Непремѣнно пріобрѣту «на память».

Пробуду здѣсь нѣсколько дней; нужно дождаться другого своего полка, и потому за эти дни еще что-нибудь интересное запишу и только передъ выѣздомъ отправлю вамъ это письмо, такъ какъ далѣе еще почтовыя отдѣленія не устроены. Итакъ рѣшено.

Сегодня получена телеграмма, чтобы всѣмъ войскамъ возвратиться назадъ и нашей дивизіи. Сегодня поѣду уже съ другимъ своимъ полкомъ.

Жаль, что молодежи не пришлось понюхать пороху. Но зато они испытали такой походъ, который не каждому придется въ жизни испытать.

Теперь мы пойдемъ другимъ маршрутомъ, на Срѣтенскъ, гдѣ и будемъ садиться на желѣзную дорогу для слѣдованія въ Омскъ на распускной пунктъ полковъ.

20 сентября.

Китайскій городъ Хайларъ.

Станица Забайкальскихъ казаковъ Бырки на рѣкѣ Бордая.

Вотъ уже четвертый день идемъ назадъ. Офицеры-молодежь пріуныли было, не пришлось понюхать пороху, но я ихъ утѣшаю, что на долю ихъ выпало совершить такой трудный, длинный и поучительный походъ. Теперь идемъ по новому маршруту, хотя мѣстность все того же характера.

Каменныя горы, какъ здѣсь ихъ называютъ сопки, торчатъ какъ сахарныя головы. Въ старомъ Цурухойте я настигъ другой полкъ своей бригады, съ которымъ теперь и буду слѣдовать до Срѣтенска. Всю ночь ѣхалъ, дорога, какъ скатерть гладкая, ровная, ночь тихая и большой морозъ, луна въ полномъ блескѣ. Кругомъ тишина, только изрѣдка гдѣ-то въ сторонѣ волки завыва-

ютъ, да продребезжатъ колокольчики обратно ѣдущей почтовой тройки. Дремлющій ямщикъ приподнялся на телѣгѣ, стегнулъ коренную и за компанію послалъ возжою правую пристяжку, досадуя, что они свернули съ набитой дороги. Какъ мнѣ это напомнило старое, отжившее время, когда не разъ я ѣздилъ въ отпускъ изъ Москвы на почтовыхъ.

Типичный мѣстный двухъ-колесный обозъ тянется безъ конца. Нагруженъ интендантскимъ овсомъ, мукою, полушубками и галетами для войскъ и массою желѣзнодорожныхъ принадлежностей для строящейся китайско-восточной дороги. Каждый день на нее подходятъ рабочіе и дѣло закипѣло.

Все дѣлается холоднѣй и холоднѣй, ѣдемъ въ полушубкахъ и только въ пору. Берега рѣки замерзшіе. Здѣсь, въ станицѣ Бырки, протекаетъ рѣка Бордзя и, говорятъ, довольно рыбная, очень извилистая; по побережью видны большіе запасы сѣна, кое-гдѣ встрѣчаются пахотныя мѣста, но весьма мало. Хлѣбъ еще только убираютъ, да и то въ прозелень.

Здѣсь же въ станицѣ я встрѣтилъ чрезвычайно интересную личность. Бывшій крестьянинъ, теперь казакъ Александръ Ларіоновичъ Бочкаревъ, 80 лѣтъ, и жена его старушка 70 лѣтъ.

Въ 1854 году, когда онъ былъ еще крестьяниномъ, то былъ взятъ въ солдаты и въ числѣ четырехъ человѣкъ этой мѣстности, былъ назначенъ на службу въ Петербургъ въ образцовый батальонъ, откуда возвратился домой въ концѣ 1856 года въ роли инструктора, для обученія здѣшнихъ молодыхъ солдатъ. Участвовалъ въ погребеніи въ Бозѣ почивающаго императора Николая I. Я съ нимъ долго бесѣдовалъ; жаль, что онъ не все ясно помнитъ, болѣе смутно вспоминаетъ. Хотя еще бодрый, хорошо видитъ и слышитъ прекрасно, но

страдаетъ одышкой. Кое-что работаетъ въ своемъ дворѣ по хозяйству.

Меня онъ интересовалъ, какъ живой свидѣтель царствованія этого великаго государя.

Онъ говоритъ, что когда его взяли на службу, то изъ Иркутска ихъ отправили на долгихъ подводахъ, поставленныхъ подрядчикомъ до Петербурга, по три человѣка на подводѣ, въ концѣ августа, и прибыли они въ Петербургъ въ половинѣ декабря, и имъ было пріятно отъ Москвы ѣхать по желѣзной дорогѣ. «А вотъ теперь, говоритъ, ваше превосх., вы скоро прибыли къ намъ». Не понравились ему петербургскія свѣтлыя ночи. Ну что, говоритъ, такое, ни ночь, ни день. Помнитъ хорошо Зимній дворецъ, Александровскую колонну, памятникъ Петра I и бронзовыхъ лошадей, что стоятъ на аркѣ главнаго штаба. Ихъ батальонъ стоялъ въ Царскомъ селѣ и отлучки изъ казармъ были затруднительны. Вспоминалъ, какъ они бывали въ лагеряхъ въ Красномъ селѣ и Дудергофскую гору. Но дачъ на ней при немъ не было.

Посидѣлъ и говоритъ: «Какое теперь хорошее оружіе у солдатъ. А прежде такое кремневое, что его не хотѣлось и чистить, а заставляли. Пріемовъ ружейныхъ было много и всѣ отчетливо дѣлались». Вспомнилъ, какая прежде при немъ была дисциплина. Вспоминалъ какой стройный былъ самъ императоръ и какой имѣлъ громкій голосъ. Этотъ казакъ такъ меня заинтересовалъ, что я съ него снялъ фотографію и когда будетъ проявлена, я вамъ пришлю. Очень красивый и крупный человѣкъ. Жаль, что, бѣдняжка, до сихъ поръ не получаетъ николаевскую пенсію, Высочайше дарованную всѣмъ николаевскимъ солдатамъ. А ихъ уже очень и очень мало осталось. Я думаю ближайшее его начальство обратитъ вниманіе и сдѣлаетъ представленіе.

Живетъ, бѣдняжка, въ такой отдаленной глуши, что и не зналъ о дарованной Высочайшей милости. Онъ даже и медали не получилъ.

Красивое у него и типичное лицо, прямой носъ, черные красивые глаза, нависшія слегка брови и густые съ просѣдью волосы. Онъ немного гнется, вѣроятно отъ того, что его безпокоитъ удушье.

Въ виду его почтенныхъ лѣтъ, я ему предложилъ сѣсть, но онъ на это съ трудомъ согласился. Его смущало: какъ это онъ, въ присутствіи генерала, будетъ сидѣть. Засуетился меня угощать чаемъ и горячими блинцами и все ворчалъ, что его старуха долго возится. А она-то еле ходитъ и покряхтываетъ.

Живутъ они довольно хорошо. Чистенькая комната для гостей, а въ другой половинѣ, черезъ чуланъ и сѣни, ихъ горенка.

Приходилось въ разныхъ поселкахъ заходить въ избы. Я вездѣ видѣлъ разныя лубочныя изданія, но такія, которыхъ прежде не видалъ. Илья Муромецъ, Соловей разбойникъ, Демьянова уха, Страшный судъ, почти у каждаго и еще съ печатнымъ текстомъ. А то, напримѣръ, начало пѣсни подъ картинкой, на которой изображенъ молодой парень въ поддевкѣ съ гармоніей и съ глупой улыбкой напѣвающій:

«Когда я былъ свободный мальчикъ,
Не зналъ я горя, ни нужды».

Разносчики этого товара и сюда, въ эту отдаленную суровую глушь, проникаютъ и продаютъ эти картинки по 10 и 30 коп. Все больше изданія Сытина въ Москвѣ. Попадались и китайскія картины, нарисованныя на зеркалѣ, рожа ужасная съ щелочками-глазами и съ высокой прической.

Слава Богу, сегодня хотя морозная, но тихая ночь и людямъ купили солому подостлать. Лошади всхрапы-

ваютъ и жмутся одна къ другой, часовые, закутанные въ башлыки, съ взброшенными на плечо винтовками монотонно ходятъ со всѣхъ сторонъ бивуака. На кухняхъ догораютъ послѣднія полѣнья въ кострахъ. Какой-то казакъ, съ наброшенной на плечи шинелью подошелъ къ костру, присѣлъ на корточки, досталъ уголекъ и закурилъ коротенькую трубочку-носогрѣйку. А небо звѣздное, звѣздное. Бивуакъ затихъ, всѣ спятъ крѣпкимъ сномъ послѣ перехода и, вѣроятно, многіе изъ казаковъ видятъ во снѣ свои родные очаги.

23 сентября.

Станица Доно. Забайкальскіе казаки.

Здѣсь почтовое отдѣленіе. Отсюда и посылаю это письмо.

Погода установилась прекрасная. На долго ли—не знаю, а желательно, чтобы продержалась, пока мы придемъ въ Срѣтенскъ, гдѣ будетъ посадка на желѣзную дорогу въ обратный путь въ Омскъ, куда мы, вѣроятно, пріѣдемъ не ранѣе конца октября. Станица Доно довольно большая, но такія же мрачныя черныя избы, особенная характерность здѣшнихъ построекъ. Однимъ словомъ, мрачная и угрюмая Сибирь. Есть церковь. Рѣка таже Бордзя и много водяныхъ мельницъ на куричьихъ лапкахъ, малюсенькія. Въ горахъ замѣтно хлѣбопашество. Здѣсь, въ Доно, я вновь встрѣтилъ очень древняго старика казака, бывшаго уроженца г. Москвы; въ 1854 году въ числѣ другихъ былъ переселенъ сюда и съ тѣхъ поръ числится забайкальскимъ казакомъ, Николай Алексѣевичъ Алексѣевъ, ему 90 лѣтъ, помнитъ все прекрасно, очень подвижной, но немного тугъ на ухо и зрѣніе слабое. Очень симпатичное лицо, совершенно бѣлая борода и голова, но волосы всѣ цѣлы. Любитъ разговаривать.

Вотъ его разсказъ: Жилъ онъ съ матерью въ Москвѣ и былъ уже юношей, поэтому хорошо помнитъ, когда провозили черезъ Москву тѣло въ Бозѣ почивающаго императора Александра I, и вспоминаетъ императора Николая I, какъ онъ выразился, орлиный взглядъ и прелесть его голубыхъ глазъ. Помнитъ его парады на Ходынскомъ полѣ и его громовой голосъ.

Но лучше всѣхъ онъ помнитъ великаго князя Михаила Павловича, даже разсказалъ два случая про него, о которыхъ въ то время много говорили въ Москвѣ, какъ онъ, переодѣтый купцомъ, угостилъ трехъ солдатъ водкой, у которыхъ не было на это денегъ и которые къ нему обратились какъ бы къ купцу.

Алексѣевъ въ 1842 году былъ взятъ въ солдаты и зачисленъ въ могилевскій крѣпостной батальонъ, въ 1854 году былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и въ томъ же году былъ разжалованъ за допущеніе въ его капральствѣ буйства.

Знаетъ кое-что работать по столярству и сапожничеству, но по слабости зрѣнія лишенъ возможности заниматься этими работами, состоянія очень бѣднаго и тоже почему-то не получаетъ Высочайше дарованную пенсію николаевскимъ солдатамъ, а также не имѣетъ медали въ память царствованія Николая I, и тоже говоритъ, что начальство у него отобрало отставку, а пенсію онъ не получаетъ. Очень религіозный старичекъ. Когда я почти насильно его посадилъ, чтобы побесѣдовать, то онъ такъ растрогался, что заплакалъ. Я спросилъ причину, на что онъ мнѣ отвѣтилъ: «Да какъ же, ваше превосходительство, я сижу передъ генераломъ». Я въ это время пилъ чай и предложилъ ему стаканъ, онъ опять началъ подыматься, но я его за плечи остановилъ. Меня какъ-то интересуютъ эти люди. Это вѣдь живая исторія далекаго прошлаго. Просилъ его еще

завтра прійти, не вспомнитъ ли онъ еще что-нибудь. Не правда ли, это интересно?

Снимемъ и съ него портретъ, и если удачно, то вышлю вамъ.

Когда онъ выходилъ, то бойко проговорилъ, шамкая беззубымъ ртомъ: «Счастливо оставаться вашему превосходительству», и по заученой привычкѣ хотѣлъ ловко повернуться и пошатнулся, но его мой вѣстовой поддержалъ. А онъ въ это время пробурчалъ: «Эхъ, эта старость». Такъ какъ уже настали сумерки, то я приказалъ вѣстовому его проводить до дома.

Воспользовался дневкой и ходилъ въ церковь, гдѣ служились часы. Церковь маленькая, недавно обновлена. Священникъ очень молодой, хорошая на немъ риза и служилъ очень хорошо. Было нѣсколько нашихъ казаковъ. Спрашивалъ у священника, не имѣется ли чего нибудь древняго, такъ какъ церковь сооружена въ сороковыхъ годахъ, но ничего не оказалось.

Видѣлъ въ церкви вчерашняго старичка, казака Алексѣева, и кстати провѣрилъ его года по метрикамъ. Оказалось, что онъ прежде былъ прописанъ въ приходѣ церкви станицы Бырки и ему не 90 лѣтъ, а 97.

Сегодня видѣлъ, какъ маленькій казачекъ ѣздилъ на двухъ собакахъ въ телѣжкѣ. Везутъ какъ лошади. Интересно и его видимо забавляетъ.

25 сентября.

Станція Ковыкеръ-Горніусъ—казачій поселокъ.

Между станціей Кузнецово и Кавыкеръ-Горніусъ, подходя къ Красноярской станціи, направо отъ дороги, я увидѣлъ рядъ построекъ, правильно расположенныхъ между котловиною горъ и покрытыхъ рѣденькимъ березовымъ лѣсомъ. Оказалось: золотые промыслы каби-

нета Его Императорскаго Величества, называются: «Гозимурскіе золотые промыслы, Ковекучи-Гозимуръ».

Меня давно интересовало это дѣло, такъ какъ я не могъ себѣ представить, какъ это дѣлается. На этотъ разъ воспользовался близостью и заѣхалъ. Они расположены на полугорѣ, на правомъ берегу рѣки Гозимуръ, съ довольно песчаными берегами. Но для промывки золота заводъ этой водой не пользуется, такъ какъ она относительно завода расположена ниже, значитъ, надо бы было устраивать машины для подъема воды, а потому для этого устроена гать, выше завода проведена вода по деревяннымъ желобамъ.

Близъ самаго завода расположенъ казачій поселокъ. Въѣзжая во внутреннее расположеніе завода, я увидѣлъ выходящаго изъ одного изъ маленькихъ зданій молодого человѣка въ формѣ, который, замѣтивъ меня, направился ко мнѣ и, подойдя, любезно раскланялся и назвалъ мою фамилію, извинившись, не ошибся ли онъ. Я отвѣтилъ, что совершенно вѣрно. Оказывается, что онъ бывшій офицеръ одного изъ гвардейскихъ полковъ, въ которомъ я бывалъ, служа въ Петербургѣ. Я ему объяснилъ причину моего посѣщенія простымъ любопытствомъ. Онъ отвѣтилъ своимъ полнымъ согласіемъ показать работы, хотя онѣ, по случаю сильныхъ морозовъ, заканчиваются.

Погрѣвшись въ комнатѣ, мы пошли сперва по той лощинѣ, изъ которой добывается песокъ или, лучше сказать, сѣро-желтая глина съ мелкими камешками, содержащая золото, и смотря на разрѣзъ отколотой горы, онъ показалъ мнѣ слои, въ которыхъ ѣсть золото, и тутъ же, ниже, слой черный, не имѣющій золота. Показалъ мнѣ брошенныя мѣста, которыя, по малому содержанію золота, не выгодно разрабатывать и разрѣшается только ихъ же рабочимъ промывать эту глину.

Эти рабочіе называются старатели, и такъ какъ цѣна опредѣлена имъ за золото хорошая, то они добытое золото сами приносятъ въ контору и сдаютъ, гдѣ имъ тутъ же по разсчету уплачиваются деньги. Такихъ при мнѣ приходило человѣкъ пять съ узелочками, величиною съ грецкій орѣкъ, въ рукахъ. Старатели промываютъ золото на круглыхъ лоткахъ, и, конечно, получаютъ самыя маленькія частицы. Далѣе мы пошли смотрѣть, какъ промываютъ остатки песку. Вода изъ маленькаго резервуара тонкимъ слоемъ стекаетъ на нижній лотокъ, въ которомъ насыпанъ песокъ съ мелкими камешками, заключающій золото, но его такъ незамѣтно. Съ боку лотка сидитъ очень древній старикъ, который, какъ мнѣ сказали, съ молодыхъ лѣтъ надъ этимъ дѣломъ. Лопаточкой подгребаетъ онъ песокъ подъ падающую съ верхняго резервуара воду и обратно отгребаетъ крупные камни, подъ водой остается черный мелкій песокъ, въ которомъ блестятъ крупинки золота, но крупныхъ я не видѣлъ. Одну крупинку, впрочемъ, я замѣтилъ съ чечевичное зерно и оказалось не ошибся. Но старикъ меня поразилъ. Онъ самые маленькіе блестки замѣчалъ и выбиралъ ихъ въ маленькій черный совочекъ. При немъ стояли два приказчика, зорко слѣдя за движеніемъ его рукъ. Одинъ работникъ подавалъ ему теплую воду, чтобы отогрѣвать руки, такъ какъ земля была мерзлая.

Оттуда мы зашли въ контору и мнѣ показали три банки золотого песку и такія тяжелыя, что каждую изъ нихъ съ трудомъ можно поднять. Въ такомъ видѣ его отправляютъ въ Иркутскъ, гдѣ его сплавляютъ въ слитки.

Этотъ управляющій завѣдуетъ еще двумя ближайшими заводами и мнѣ говорилъ, что съ трехъ заводовъ годичная получка золота до 19 пудовъ.

Потомъ онъ меня пригласилъ пообѣдать, а я, признаться, хотѣлъ поѣсть.

Домъ его новый не отстроенъ и онъ живетъ въ маленькомъ, въ двухъ комнатахъ. Съ нимъ живетъ старушка швейцарка, бывшая компаньонка его покойной матери, которую онъ недавно похоронилъ. Хотя онъ и увлеченъ своимъ дѣломъ и любитъ его, но, я думаю, одному-то скучно. Очень милый, любезный и воспитанный человѣкъ, мнѣ очень понравился. Вспоминали съ нимъ петербургскую службу.

На ночлегъ я пріѣхалъ уже вечеромъ.

Этотъ путь вездѣ исправляютъ, на всѣхъ ручейкахъ дѣлаютъ пѣшеходные мосты для пѣхоты и иногда попадаются большіе мосты. Горы скапываютъ и равняютъ дорогу. Но горы всѣ сплошь каменныя, такъ что на разрытую дорогу попадаетъ много камня, который даетъ себя знать какъ лошадямъ, такъ и колесамъ обозовъ. Все-таки, разъ такъ хорошо придумано, то слѣдовало бы сверху насыпать тонкій слой песку, такъ какъ этотъ острый камень, я думаю, безпощадно рѣжетъ обувь.

Песку же здѣсь достаточно вездѣ можно добыть.

Здѣсь, въ Ковыкерѣ, я встрѣтился съ нашимъ старшимъ корпуснымъ врачемъ: онъ командированъ изъ Москвы въ 3-й армейскій пѣхотный корпусъ и съ нимъ же ѣдутъ два контрольныхъ чиновника; эти послѣдніе изъ Петербурга. Они почему-то ѣдутъ въ Хайларъ, но одѣты они не по-сибирски, довольно легко. А здѣсь уже рѣки замерзаютъ и сегодня въ особенности стужа ужасная, пронизывающій вѣтеръ и летитъ снѣгъ.

Вѣроятно, скоро зима ляжетъ. Хоть бы потерпѣла до нашей посадки въ вагоны. Вѣдь все равно и безъ того не раздѣваясь спимъ. А станешь утромъ умываться, такъ коченѣютъ руки и кожа на нихъ такая стала, что

хоть спички зажигай, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лопается и болитъ.

Спимъ-то мы подъ овчинными огромными одѣялами и тепло, но утромъ изъ подъ него вылѣзать... брр! какъ непріятно. Слава Богу, что въ частяхъ мало больныхъ. Это ужъ нужно приписать заботливости командировъ полковъ. Даютъ для согрѣванія людямъ водки, покупаютъ солому для постилки людямъ. Когда приходятъ на ночлегъ, всегда готова горячая пища, а утромъ и вечеромъ чай, который у каждаго казака моментально готовъ, вслѣдствіе практичнаго устройства котелковъ (дно шире и къ верху суживается). Въ этотъ походъ я неоднократно слыхалъ, что здѣсь вѣчно мерзлая земля, а теперь, бывши на пріискахъ, самъ видѣлъ. Лѣтомъ только поверхность оттаиваетъ, а дальше мерзлый слой земли. Сегодня и вчера сильный холодный вѣтеръ со снѣгомъ, который покрылъ землю. Вслѣдствіе холода полкъ становится на квартирахъ, тѣмъ болѣе по этому маршруту мы идемъ сравнительно по населенной мѣстности забайкальскихъ казаковъ станицы и поселки. Казаки имѣютъ много земли, хорошіе покосы, большія стада, но хлѣба сѣютъ мало. Въ избахъ хорошо, даже никелированные самовары, но дворы развaленные. Просто, я думаю, отъ небрежности. Довольно гостепріимны, но ихъ насѣкомыя злобно къ намъ относятся, такъ что приходится прибѣгать къ персидскому порошку.

27 сентября.

Станица Срѣтенскъ.

Хотѣлъ закончить это письмо и отправить вамъ, но не могу закончить, чтобы не описать того чувства, которое я испыталъ по дорогѣ, проѣзжая отъ станицы Доно до станицы Срѣтенской (которую давно нужно

назвать городомъ; по торговлѣ и мѣстному положенію, она расположена вдоль судоходной рѣки Шилки, по берегу которой тянется линія желѣзной дороги).

Подъѣзжая къ Срѣтенской, я по пути, признаюсь, испыталъ страхъ, опасаясь за свою жизнь, настолько страшны ущелья и нависшія сплошныя каменныя черныя скалы. Дорога хорошо исправлена и все время тянется подъ самыми скалами. Вамъ такъ и кажется, что вотъ, вотъ эта глыба обрушится на васъ и отъ васъ слѣда не останется.

Невольно приходитъ въ голову, какъ ничтоженъ человѣкъ предъ всѣмъ этимъ великимъ созданіемъ и какъ великъ Тотъ, Который все это создалъ. Какихъ только формъ нѣтъ скалъ? То пасть какого-то огромнаго звѣря, то какое–то покосившееся зданіе, стѣны котораго такъ висятъ, что кажется довольно сильнаго вѣтра, чтобы все это съ шумомъ сползло на васъ. А между тѣмъ эти камни въ такомъ положеніи висятъ можетъ быть сотни лѣтъ. То вы видите черную щель, въ которой свободно можно укрыться человѣку. Между тѣмъ, нѣтъ больше мѣста, чтобы провести дорогу, такъ какъ тутъ же течетъ быстрая горная рѣка, другой берегъ которой такой же скалистый. Станица Срѣтенская расположена на самомъ берегу судоходной рѣки Шилки. Домовъ каменныхъ нѣтъ, деревянныхъ много хорошихъ, но типа временнаго, построеннаго на скорую руку. Есть даже приличные извозчики, нѣсколько магазиновъ, даже два китайскихъ, въ которыхъ китайскихъ товаровъ почти нѣтъ, хотя они оправдываются, что у нихъ все раскупили.

На другомъ берегу Шилки вокзалъ Забайкальской желѣзной дороги. Переѣздъ изъ станицы къ нему на паромѣ «Самолетъ». У пристани стоятъ два довольно большихъ парохода; видно много пассажировъ, но больше

простой народъ, прибывающій на работу китайско-восточной желѣзной дороги. Гостинницы плохенькія. Отстраивается новая «Дальній Востокъ». Но что меня не мало удивило,—одна церковь, да и та старая и маленькая, хотя каменная.

Казалось бы, въ средствахъ станица не нуждается и населена преимущественно православными, за исключеніемъ пріѣзжаго люда, въ которомъ національностей не перечтешь.

На этихъ дняхъ начнется посадка полковъ въ вагоны для отправленія по домамъ. Впечатлѣнія этого пути я уже вамъ писалъ и чтобы не повторяться, вѣроятно закончу этимъ письмомъ. Развѣ что встрѣтится интересное, то напишу.

Да, позабылъ вамъ написать, что эта дорога также шла по неприглядной и суровой тайгѣ. Только встрѣчались безконечные обозы съ разной кладью, ѣдущіе къ Хайлару и дальше. Итакъ до свиданія!

2 октября. Станица Срѣтенскъ.

Крушеніе почтоваго поѣзда № 3 на средне-сибирской желѣзной дорогѣ, на 258 верстѣ отъ Челябинска.

(Воспоминанія очевидца).

Изъ Иркутска я не хотѣлъ дожидаться скораго поѣзда и рѣшилъ ѣхать въ почтовомъ, который отходилъ въ 10 час. вечера 18 октября.

Пріѣхалъ меня проводить знакомый офицеръ. А любезный комендантъ станціи устроилъ меня въ отдѣльномъ купэ I класса, что не трудно было сдѣлать, такъ какъ пассажировъ I класса было очень мало. Я, съ одной стороны, въ сосѣднемъ купэ помѣстился какой-то старичекъ врачъ, съ другой стороны какая-то дама, очень представительная. Сосѣди мнѣ не знакомые.

Вотъ третій звонокъ и нашъ поѣздъ плавно тронулся отъ станціи. Мой вагонъ былъ шестымъ отъ паровоза.

Ночь и день проѣхали хорошо, виды по сторонамъ все знакомые, все та же мрачная тайга. На второй день, на станціи Тулунъ, дама-сосѣдка осталась. Затѣмъ далѣе, не помню на какой-то станціи, ко мнѣ въ купэ вошелъ командиръ 7-го сибирскаго казачьяго полка и передалъ весьма нужныя бумаги. Перебросились мы нѣсколькими словами и поѣздъ нашъ тронулся, а полковникъ остался, такъ какъ онъ слѣдовалъ съ однимъ изъ эшелоновъ своего полка. А мнѣ нужно было догонять впереди идущіе эшелоны.

Спать мнѣ не хотѣлось, да и вообще я мало сплю, а въ дорогѣ въ особенности. Я зажегъ свѣчи и читалъ книгу. Въ $2^1/_2$ часа ночи я почувствовалъ маленькій толчекъ и затѣмъ затрясло, какъ бы ѣдемъ по шпаламъ; не дало далѣе сообразить, второй толчекъ сильнѣе,

свѣчи мои попадали со стола и, конечно, погасли, затѣмъ третій сильный толчекъ, меня въ темнотѣ подбросило съ дивана и ударило бокомъ объ стѣну сосѣдняго купэ и слышно звяканье бьющагося стекла и вдругъ все стихло. Тогда только я немного сообразилъ, что это, вѣроятно, крушеніе. Раньше-то Богъ миловалъ, я этого удовольствія не испытывалъ, но слыхалъ не разъ. Думаю теперь начнется сдавливанье вагоновъ, дай-ка я проберусь на средину вагона, авось легче сдавитъ. Начинаю въ темнотѣ ощупью выбираться въ дверь и опять назадъ падаю. Оказывается, что мой вагонъ въ наклонномъ положеніи на мою сторону. Ну, кое-какъ выбрался, открываю наружную дверь, вижу бѣготню кондукторовъ съ фонарями и слышу слова: «рельсы сняты». А, думаю, значитъ, злоумышленники; вернулся назадъ и подстегнулъ револьверъ и думаю: ну, я же угощу какого-нибудь злодѣя!

Вновь сошелъ, или лучше сказать, спрыгнулъ со своего вагона, который стоялъ вплотную къ стоящему впереди вагону 2-го класса. Буфера у обоихъ сломаны, крыльцо сдавлено и сами наклонились, одинъ вправо, другой влѣво.

Впереди же поѣзда суета, выбрасываютъ вещи изъ вагоновъ въ разбитыя окна, раненые стонутъ, зовутъ доктора. На счастье въ поѣздѣ ѣхалъ молодой врачъ, командированный куда-то на пріемъ новобранцевъ, и нужно отдать ему должную похвалу, онъ много помогъ и даже одну дѣвочку спасъ отъ смерти, хотя не ручается за послѣдствія, такъ какъ у нея затылочная часть черепа вдавлена, грудь помята, ноги ушиблены.

Я вспомнилъ, что со мною ѣдетъ въ 3-мъ классѣ мой слуга—Сашка. Кричу: Сашка! Сашка! Нѣтъ отвѣта. Какой-то господинъ спрашиваетъ: «Какого вы Сашку ищете»? Да моего же Сашку, мальчика, отвѣчаю ему

съ досадой (точно всѣ обязаны знать моего Сашку).

«Вонъ какого-то мальчика вынесли въ окно убитаго, не вашъ ли»,—все тотъ же продолжаетъ господинъ.

Господи! —думаю, и для чего я его взялъ съ собою, вотъ будетъ угрызеніе совѣсти.

Въ это время Сашка подалъ голосъ въ разбитое окно вагона: «Я сдѣсь, ваше превосходительство». Тутъ я ругнулъ его. «Я безпокоюсь за тебя, ищу, а ты не отзываешься» (а онъ немного глухъ). «Я здѣсь помогаю высвобождать барыню, которую придавило скамьями», отвѣчаетъ онъ.—«Ну, доброе дѣло дѣлаешь, продолжай». Я его оставилъ. Вагоны имѣли ужасный видъ: стекла побиты, въ одно изъ оконъ приспособилась выпрыгнуть женщина съ груднымъ ребенкомъ. Я раньше не могъ себѣ представить, а теперь самъ видѣлъ, какъ вагонъ 2-го класса въѣхалъ до половины въ вагонъ 3-го класса. Ну представьте себѣ коробочку спичекъ, которая вдвигается въ свой футляръ, такъ и здѣсь. Вотъ въ этомъ-то вагонѣ больше всего пострадали поссажиры. Вотъ на одѣялѣ въ висящія на одной петлѣ двѣри вагона вынесли даму, которая была въ обморокѣ, ей очень сильно придавило бедра, а она еще въ интересномъ положеніи.

Слышу голосъ доктора: «Дайте какого нибудь вина съ водою дамѣ выпить». У меня было полбутылки краснаго, я сейчасъ же принесъ изъ своего вагона.

Картина слѣва: паровозъ оторвался отъ поѣзда и сидитъ сбоку полотна, погруженный въ землю и неистово выпускаетъ паръ, а тендеръ сзади его влѣзъ на него. Машинистъ, богатырски сложенный шведъ, держится обѣими руками за грудь и стонетъ ужасно. Онъ до того перепуганъ, что не узнаетъ своихъ помощниковъ. Спасибо ему, что онъ, замѣтивши расширеніе

рельсовъ, успѣлъ дернуть тормазъ (простой), а затѣмъ уже его придавило дровами, предварительно ударивши объ котелъ.

Вспомнили, что около меня въ купэ старичекъ докторъ. Приходимъ, открываемъ къ нему дверь, а онъ спитъ какъ младенецъ (онъ глухой) и еще удивился, что мы долго стоимъ на станціи. Вотъ-то комикъ!

«Какая тутъ станція, тутъ чортъ знаетъ что. Крушеніе». Тогда онъ ужасно засуетился по купэ. Мнѣ кто-то предложилъ зайти на другую сторону поѣзда. А когда я зашелъ, то моимъ глазамъ представилась еще ужаснѣе картина: почтовый вагонъ отброшенъ впередъ паровоза и стоитъ поперекъ полотна, концы его разбиты, но средина цѣла, гдѣ въ дверяхъ мы увидѣли стоящихъ блѣдныхъ почтовыхъ чиновниковъ. Товарный вагонъ около него виситъ однимъ концомъ на полотнѣ дороги, а другой конецъ разбитъ вдребезги и въ немъ стоятъ невредимы два багажныхъ кондуктора, спасенные какимъ-то чудомъ. Говорятъ, но за достовѣрность не ручаюсь, что будто бы на другой день машинистъ умеръ. Жаль и очень жаль. Картина кругомъ неприглядная, гармонирующая катастрофѣ: идетъ снѣгъ, кругомъ дремучая тайга зловѣще шумитъ своими оголенными деревьями, вѣтеръ завываетъ, стоны раненыхъ, слезы по убитымъ, паръ шумитъ изъ котла.

Злоумышленниковъ никакихъ не было, да и не могло быть. Такъ что я напрасно вновь мобилизовался.

Изъ задняго цѣлаго вагона идутъ переговоры по телефону съ ближайшей станціей, требуемъ вспомогательный поѣздъ и рабочихъ. Да! нужно вѣчно благодарить Бога, что мало жертвъ: одинъ мальчикъ убитъ, тяжело раненыхъ трое и 13 легко раненыхъ. А сами же желѣзнодорожные говорятъ, что это крушеніе одно изъ самыхъ крупныхъ. Но вотъ сзади насъ послышался сви-

стокъ и показался идущій къ намъ вспомогательный поѣздъ. На немъ пріѣхали: начальникъ этого участка, прокуроръ, слѣдователь и жандармскій офицеръ и сейчасъ же забѣгали, ища причину крушенія. Начальникъ участка все указывалъ на лопнувшій рельсъ (а ихъ много лопнуло отъ такого удара), говорили о скоромъ ходѣ и еще что-то, ужъ не помню, но не указывали на тѣ предметы, въ которыхъ могли бы крѣпко держаться рельсы. Скорый ходъ я положительно отрицаю какъ свидѣтель, который не спалъ. Ѣхалъ машинистъ не болѣе 15 верстъ въ часъ. А о другихъ причинахъ я не берусь судить, пусть выясняютъ, какъ хотятъ. Когда сказанныя лица пріѣхали, то жандармскій офицеръ освѣдомился о моемъ здоровьѣ, судебныя власти раскланялись. А начальникъ участка не только не спросилъ о моемъ здоровьѣ, но даже не поклонился, поминутно проходя мимо. А мнѣ кажется, что ужъ хотя бы изъ человѣческаго чувства слѣдовало бы освѣдомиться о здоровьѣ не только моемъ, но и другихъ пассажировъ.

Наконецъ пріѣхалъ встрѣчный почтовый поѣздъ № 4, въ который мы перебрались по испорченному полотну и отправились на слѣдующую станцію. А тѣ пассажиры размѣстились въ уцѣлѣвшихъ отъ крушенія нашихъ вагонахъ. Сосѣдка убитаго мальчика разсказывала, какъ онъ, бѣдняжка, въ этотъ день ласкался къ отцу, который его везъ въ училище: то приляжетъ къ нему на плечо, то обниметъ и цѣлуетъ, точно предчувствовалъ, что онъ разлучается на вѣкъ.

Странное чувство, съ которымъ трудно совладать. Дальше въ пути при каждой остановкѣ или обыкновенномъ стукѣ, уже кажется вамъ опять куда-то мы летимъ.